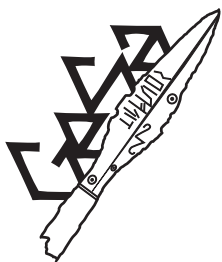

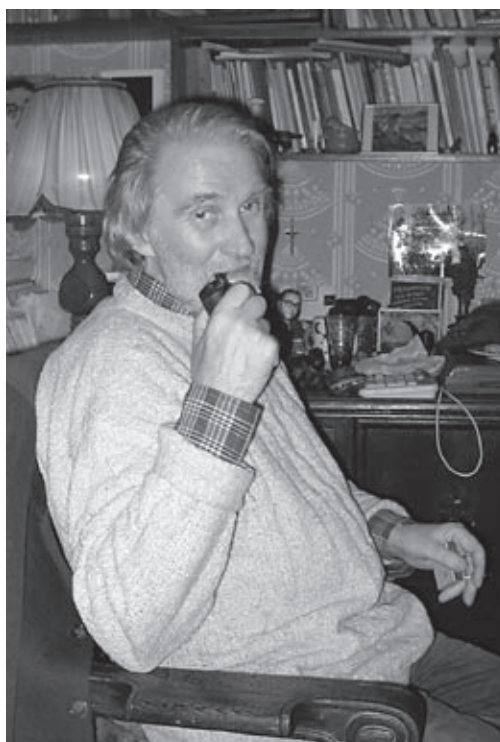

Калининградский областной историко-художественный музей

Курский государственный областной музей археологии

*Посвящается памяти
Марка Борисовича Щукина
(1937—2008)*

Затем он сказал:

«Я хочу половину
наследия Хейдрека;
доспехов, мечей,
скота и приплода,
сокровищ казны,
жерновов скрипящих,
рабов и рабынь
с их ребятами вместе,

и лес знаменитый,
что Мюрквид зовется,
на готской земле
могилы священные,
камень чудесный
в излучинах Данпа,
кольчуг половину,
у Хейдрека бывших,
земель и людей
и блестящих колец».

Ангантюр сказал:

«Сначала расколется
щит сверкающий,
и с холодным копьем
столкнется копье,
и воинов много
падет на траву,
прежде чем Тюрвинг
начну я делить
или дам тебе, Хумлунг,
долю наследства.

Родич, тебе я
кубки вручу,
и скот, и сокровища,
сколько захочешь;
по дюжине сотен
людей и коней
и столько же воинов
вооруженных.

Дам я дары
каждому мужу, —
дороже у них
не бывало подарков;
каждому дева
достанется в жены,
деве же каждой
я дам ожерелье.

Серебром я тебя
покрою, сидящего,
золотом звонким
осыплю идущего.
так что покатаются
кольца повсюду;
треть ты возьмешь
готской земли.»

REGIONAL KALININGRADER KUNST- UND GESCHICHTSMUSEUM
REGIONAL KURSKER STAATLICHE MUSEUM DER ARCHÄOLOGIE

GERMANIA—SARMATIA

II

KALININGRAD—KURSK

2010

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ

ГЕРМАНИЯ—САРМАТИЯ

II

КАЛИНИНГРАД—КУРСК

2010

УДК 902(4)
ББК 63.48(4)я43
Г 38

Редакционный совет

Аудронэ Блюэнэ (Клайпеда)
Вальдемарас Шименас (Вильнюс)
Олег Шаров (Санкт-Петербург)
Ольга Щеглова (Санкт-Петербург)
Мишель Казанский (Париж)
Александр Симоненко (Киев)
Борис Магомедов (Киев)
Войцех Новаковский (Варшава)
Клаус Карнап-Борнхайм (Шлезвиг)

Выпуск под редакцией

Ольга Щеглова, Мишель Казанский, Войцех Новаковский

Рецензенты

д. и. н. Платонова Н. И. (ИИМК РАН), Никаноров В. П. (ИИМК РАН)

Научный редактор

Галина Король

Редакция иноязычных текстов

Ярослав Прасолов

Составление и издание

Олег Радюш, Константин Скворцов

Оформление

Алексей Шолош, Олег Радюш

Г 38 Germania—Sarmatia II : сб. науч. ст. по археологии народов Центр. и Восточной Европы посвящ. памяти М. Б. Шукина / ред.: О. А. Щеглова [и др.] ; сост.: О. А. Радюш, К. Н. Скворцов. — Калининград: [б. и.], 2010 (Отпеч. в Литве). — 404 с., ил. — 500 экз.

ISBN

В сборнике, посвященном памяти М. Б. Шукина представлены научные статьи по различным проблемам археологии варварского мира Европы и Рима от позднелатенского времени до начала эпохи великого переселения народов. Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам и краеведам.

УДК 902(4)
ББК 63.48(4)я43

© Авторы статей, 2010
© Радюш О. А., Скворцов К. Н., Шолош А.
Идея, составление, оформление, 2010

ISBN

Содержание

В. Новаковский	Слово о Марке Щукине	9
М. М. Казанский, О. В. Шаров	Предисловие	11
М. Б. Щукин М. В. Šćukin	Ранние вандалы Die frühen Wandalen	15 29
В. Новаковский	Проблема присутствия славян на землях в бассейнах Одера и Вислы в римский период и в эпоху переселения народов (на основании письменных источников и археологических находок)	33
W. Nowakowski	Zu dem Problem der Anwesenheit der Slawen in dem Weichsel- und Oderbecken in der Römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit (im Licht der antiken Schriftquellen und archäologischen Funde)	41
Р. В. Терпиловский, А. И. Билинская	Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме	45
R. W. Terpilovskij, L. I. Bilinskaja	Kriegerbrandgrab vom Jahrzehnte v. Chr. auf dem Fluss Sejm	55
С. В. Воронятов, Д. А. Мачинский	О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях	57
S. W. Woronjatow, D. A. Mačinskij	Über Zeit, Umstände und Sinn des Aufkommens von sarmatischen Tamgen auf germanischen Lanzen spitzen	76
О. В. Гопкало, В. С. Тылиццак	Римские импорты из металла на могильнике Чернелив-Русский	79
O. V. Gopkalo, V. S. Tyliščak	Römische Importe aus Metall vom Gräberfeld Černeliv-Rus'kyj	94
А. А. Васильев	Удила из княжеского погребения у с. Кишпек, Кабардино-Балкария (балто-черноморские контакты и некоторые вопросы датировки европейских древностей рубежа III—IV вв. н. э.)	97
A. A. Vasilyev	Die Trense aus dem Fürstengrab beim Dorf Kischpek, Kabardino-Balkarien (ostsee-schwarzmeerische Kontakte und manche Fragen der Datierung europäischer Antiquitäten der Wende der III-IV Jh. u. Z.)	110
О. В. Петраускас, Е. В. Синуца	Фибулы «щиткового типа» черняховской культуры	113
O. W. Petrauskas, E. W. Sinica	Die s. g. Schildfibeln in der Černjachov-Kultur	132
Г. В. Бейдин, К. В. Мызгин	Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры	135
G. W. Bejdin, K. W. Myzgin	Die Funde der bosporianischen Münzen auf dem Territorium der Černjachov-Kultur	146
М. В. Любичев	«Горизонт Боромля» как область «праславянской» культурной провинции середины III — начала IV в. (ступени C_{1b}—C₂)	149
M. W. Ljubičev	Horizont Boromlja als Gebiet der „urslawische“ Kulturprovinz Mitte 3.–Anf. 4 Jhr. (Stufen C _{1b} , C ₂)	177

О. А. Радюш	Исследования поселения III—IV вв. н. э. у пос. им. Карла Либкнехта (Пены) в Курском Посемье	179
<i>O. A. Radjusch</i>	Untersuchungen der Siedlung des 3.–4. Jhs. bei der Karl-Liebknecht-Siedlung (Peny) auf dem Kursker Sejm Gebiet	212
Ю. Ю. Башкатов	Памятники черняховской культуры юга Среднего Поднепровья	215
<i>Ju. Ju. Baschkatow</i>	Die Fundorten der Černjachov-Kultur des Südens Mittler Dneprs	239
Д. В. Акимов	Автохтонное население донской лесостепи в эпоху Великого переселения народов	241
<i>D. W. Akimow</i>	Die autochthone Bevölkerung der Waldsteppe im Dongebiet in Völkerwanderungszeit	251
К. Н. Скворцов, Т. Ибсен	Подкурганное захоронение всадника конца II в. н. э. из могильника Березовка / Гросс Оттенхаген	253
<i>K. N. Skworzow, T. Ibsen</i>	Ein Reiterbestattung des 2. Jhs.n. Chr. in einem Grabhügel auf dem Gräberfeld Berězovka/Gross Ottenhagen	273
О. А. Хомякова	Пластинчатые браслеты самбийско-натангийской культуры	277
<i>O. A. Homiakowa</i>	Eine der Kategorien der samländischschen Bandarmringe	290
Е. А. Калашников	Вновь выявленные погребальные памятники в Надравии и Самбии (Калининградская область)	293
<i>E. A. Kalaschnikow</i>	Die wiederentdeckten Grabdenkmäler in Nadrauen und Samland (Kaliningrader Gebiet)	306
Г. А. Вознесенская, М. Е. Левада	Металлографическое исследование предметов вооружения из раскопок могильника в Гаче	309
<i>G. A. Woznesenskaja, M. E. Lewada</i>	Metallographische Unteruchung der Bewaffnungsfunde aus den Ausgrabungen auf dem Gräberfeld in Gač	317
И. Р. Ахмедов	Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника на Оке	319
<i>I. R. Achmedow</i>	Einschneidige Kurzschwerteraus dem Gräberfeld Nikitinskij	341
А. Е. Негин	Позднеримские шлемы с продольным гребнем	343
<i>A. E. Negin</i>	Spätromische Kammmhelme	357
А. К. Нефёдкин	Военная организация Остроготского королевства (конец V — середина VI в.)	359
<i>A. K. Nefjodkin</i>	Militärische Organisation des Ostgotischen Königreichs vom Ende des 5. bis Mitte des 6. Jhs.	368
П. Куликаускас	В Кёнигсбергском университете (1938—1940 гг.). Воспоминания	371
<i>P. Kulikauskas</i>	An der Universität Königsberg (1938–1940). Erinnerungen	386
	Список сокращений	387
	Иллюстрации	I— XVI

**Воронятов Сергей
Вячеславович**

Младший научный
сотрудник отдела археологии
Восточной Европы и Сибири
Государственного Эрмитажа

oaves@hermitage.ru
s.voroniatov@gmail.com

**Мачинский
Дмитрий Алексеевич**

Старший научный сотрудник
Научно-просветительного
отдела Государственного
Эрмитажа

ivolgina39@mail.ru

О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях

Читателю следует учесть и еще один момент: следуя за готами, выходцами с Севера, и германцами, мы не должны забывать, что имеем дело все-таки с людьми особого психического склада, придерживавшимися не совсем обычных норм этики и поведения, нам, да, возможно, и современникам на континенте, не всегда понятных. Читайте «Сагу о саге» М. И. Стеблин-Каменского и серию блестящих работ А. Я. Гуревича, читайте сами саги, и не только скандинавские и исландские, но и эпос англосаксонский и среднегерманский.

М. Б. Щукин «Готский путь»

Взаимодействие выделенных М. Б. Щукиным «Семи миров древней Европы» являлось предметом его методически точного и образно насыщенного исследования и воссоздания в монографиях, статьях, докладах и университетских курсах. Особое внимание Марк Борисович уделял германскому миру Восточной и Центральной Европы (прежде всего готам, создателям черняховской культуры III — начала V в., вобравшей в себя различные этнокомпоненты), а также лесному славяно-балтскому миру и миру ираноязычных кочевников степи — сарматам и аланам (Мачинский, Воронятов, 2009, с. 184).

Одним из археологических проявлений взаимодействия германского и иранского культурных миров являются широко известные находки германских копий с сарматскими тамгами первых веков н. э. Попытки понять механизм появления тамг у германцев занимают далеко не последнее

место в работах М. Б. Щукина (Ščukin, 1993, p. 325, fig. 3; Shchukin, 1994, p. 485—495; Щукин, 1994, с. 230, 231, рис. 78; 2004, с. 458, 459; 2005, с. 72, 73). И во многом это обусловлено тем, что на некоторых копьях обнаружена тамга, принадлежащая загадочной исторической личности — сарматскому царю Фарзою, монеты которого чеканились в Ольвии в 50—60 гг. н. э. (рис. 1). К этому правителю и его царству у М. Б. Щукина был особый интерес. Те, кому посчастливилось общаться с Марком Борисовичем и слушать его лекции, могли обратить внимание на знаки, изображенные на его серебряном перстне и медном браслете, — это были тамги Фарзою. Марк Борисович в разговорах признавался, что небольшая работа «Царство Фарзою. Эпизод из истории Северного Причерноморья» (Щукин, 1982, с. 35—38) — одна из его любимых статей. И, как мы попытаемся показать далее, выделяемая М. Б. Щукиным логическая связка — царство Фарзою и германские копья с его тамгой — может оказаться ключом к пониманию

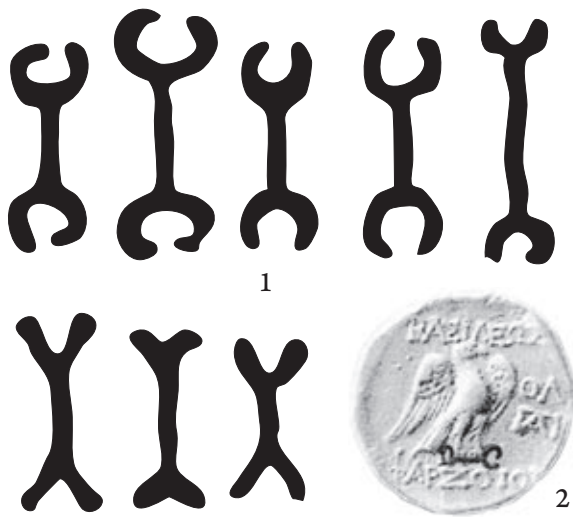

Рис. 1. Тамги Фарзоя на монетах:
1 — тамги на монетах; 2 — монета Фарзоя с тамгой
(по: Раев, Симоненко, 2009, рис. 9)

Abb. 1. Tamgen von Farzoios auf Münzen.
1 – Tamgen auf Münzen; 2 – Farzoios-Münze mit Tamga

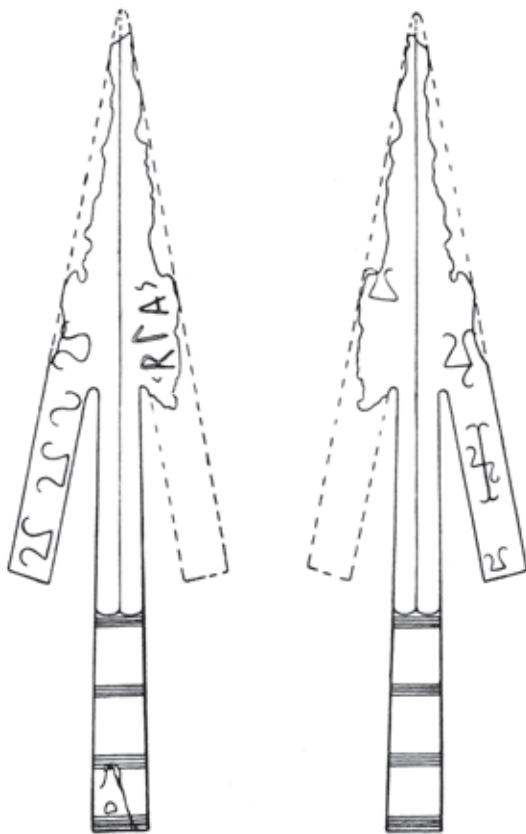

Рис. 2. Наконечник копья из Розвадува
(по: Śmiszko, 1936, tabl. XX; без масштаба)

Abb. 2. Lanzen spitze aus Rozwadów
(ohne Maßstab)

рассматриваемого явления в частности и к реконструкции сармато-германских контактов в целом.

Но прежде попытаемся коротко осветить основные существующие интерпретации изображений «сарматоидных» знаков на копьях и гипотезы обстоятельств их попадания к германцам Северной Европы. Следует, конечно, сказать, что не все исследователи разделяли мнение о том, что так называемые тамги на копьях можно называть сарматскими и выводить их происхождение из Северного Причерноморья. Так, В. С. Драчук предостерегал от подобных выводов и считал, что кроме внешнего совпадения начертаний нет ни одного подтверждения для отнесения похожих на сарматские знаков на копьях к кругу причерноморских (Драчук, 1975, с. 93). Еще один авторитетнейший исследователь сарматских знаков — Э. И. Соломоник, напротив, не сомневаясь в южном происхождении некоторых знаков на копьях, предполагала, что в момент продвижения сарматских племен на территорию Западной Европы произошло заимствование сарматских знаков германцами (Соломоник, 1959, с. 43, 44). Конкретных обстоятельств, при которых осуществлялись контакты сарматов и европейских варваров, исследовательница не рассматривала.

Упомянув существование пессимистичных воззрений относительно южного происхождения некоторых знаков на германских копьях, следует все же сказать, что ученых, считавших схожесть знаков в сарматских и германских древностях справедливой, всегда было больше. По-видимому, сам ракурс изучения явления мог возникнуть только из таких сопоставлений. Посвятивший отдельную работу копью из Розвадува (рис. 2) М. Ю. Смишко приводит мнения целого ряда исследователей XIX и первой половины XX в. — В. Антоневица, П. О. Бурачкова и И. И. Мещанинова, которые отмечали схожесть некоторых знаков на копьях с известными метками-тамгами в Причерноморье (Śmiszko, 1936, s. 144; Тиханова, 1941, с. 275).

У исследователей сегодня все сомнения о схожести сводятся лишь к тому, что не всем «сарматоидным» знакам на германских копьях можно найти прямые параллели в корпусе сарматских тамг. Объясняется это тем, что германцы могли позаимствовать саму идею тамги, а какие-то конкретные знаки развивались уже на севере, потеряв

первичные значение и смысл (Мельникова, 2001, с. 94; Dobrzańska, 2001, p. 109; Шукин, 2005, с. 72, 73). Относительно места и времени взаимодействия сарматов и германцев — носителей пшеворской археологической культуры — существует целый спектр предположений. Так, и М.Б. Шукин, и ссылающаяся на его работы Г. Добжаньская говорят о двух-четырех конкретных контактных ситуациях, в разной степени подкрепленных археологическим материалом и свидетельствами письменных источников.

Первая связана с территорией Верхнего Поднепровья и так называемой звенигородской группой памятников I в. н.э., в материалах которых наблюдается достаточно сложный процесс взаимодействия культурных элементов пшеворской, дакийской и сарматской археологических культур (Шукин, 1994, с. 230; Dobrzańska, 2001, p. 102). Данный археологический материал для рассматриваемой нами темы является не самым актуальным, что следует и из текстов указанных авторов. Г. Добжаньская ссылается на мнение А. Коковского, который называет контакты на Верхнем Днестре носящими эпизодический характер (Kokowski, 2003, S. 40). Но здесь важнее подчеркнуть факт отсутствия в материалах звенигородских памятников сарматских тамг, которые могли быть заимствованы носителями пшеворской культуры. К сожалению, археологический материал не может гарантировать, что обитатели Верхнего Днестра иранского происхождения не пользовались знаками-тамгами вообще — они могли быть нанесены на несохранившиеся предметы из органических материалов, но мы вынуждены исходить из имеющихся источников.

Вторая контактная ситуация произошла в 50 г. н.э. на территории современных Венгрии и Словакии (Шукин, 1994, с. 222, 230; Shchukin, 1994, p. 489, 490; Dobrzańska, 2001, p. 102), и наши знания о ней в первую очередь базируются на сообщении Тацита, который рассказывает о судьбе квадского царя Ванния и его царстве: «... он подвергся нападению со стороны возненавидевших его соседних народов и поднявшихся на него соотечественников. Борьбу с ним возглавляли царь гермундуров Вибиллий и сыновья сестры Ванния Вангион и Сидон»; «...надвигалась несметная сила — лугии (отождествляемые с вандалами Плиния и с носителями пшеворской культуры — С.В., Д.М.) и другие

народности, привлеченные слухами о богатстве царской казны, которую за тридцать лет накопил Ванний грабежами и пошлинами. Пехота у Ванния была собственная, конница из сарматского племени языгов...» (Тас. Ann. XII, 29).

М.Б. Шукин полагает, что события 50 г. н.э. стали обстоятельствами появления тамг Фарзоя на копьях из Бодзаново (рис. 3)¹ в Польше и Валле в Норвегии. Марк Борисович считает, что в результате военного участия языгов в описанных Тацитом событиях происходили не только столкновения, но и дружеские контакты на уровне воинов-дружинников. Оба комплекса с копьями датируются ступенью В₂ хронологии римского времени, т.е. 70—170 гг. н.э., и М.Б. Шукин акцентирует внимание на том, что в начале этого периода Фарзой еще был жив и слухи о его громкой славе могли ходить в военно-аристократической среде (Шукин, 1994, с. 230). К результатам этих же контактов, возможно, также относятся находки железных умбонов в богатых сарматских курганах Садовый и Высочино на Нижнем Дону (Шукин, 2004; Шукин, 2005, с. 72).

Пересказанное предположение, по нашему мнению, опять же нуждается в привлечении информации об использовании тамг сарматами-языгами Карпатского региона. И здесь приходится констатировать откровенную скудность подобного материала². Если бы не знак на золотой пластине из ограбленного погребения в Дунахарасте (Istvánovits, Kulcsár, 2006, p. 186, *áb.* 1), можно было бы сказать, что ни одного достоверного комплекса или природного объекта с сарматскими тамгами на территории Венгрии не известно. Справедливости ради следует остановиться на описании и интерпретации тамги из Дунахарасты (рис. 4). Э. Иштванович и В. Кульчар вполне определенно связывают эту тамгу с кланом царя Фарзоя. Полностью разделить такую трактовку сложно в силу

¹ К нашему удивлению, тамга на копье из Бодзаново в первоначальной публикации (Zielonka, 1958. *rys.* 72: f), существенно отличается от тамги на том же копье, рисунок которого воспроизводится в работах других авторов (ср.: Ščukin, 1993, *fig.* 3: 25; Яценко и др., в печати, рис. 3: 3). В дальнейшем предстоит выяснить, чем это обусловлено.

² Благодарим Валерию Кульчар за консультацию по данному вопросу.

того, что хотя схема тамги из Дунахарасты и близка схеме тамги Фарзоя, она все же имеет серьезные отличия. Все бесспорные изображения тамги Фарзоя — это изображения на его монетах ольвийской чеканки (Карышковский, 1982, рис. 3: 1—9; Раев, Симоненко, 2009, рис. 9). М. Б. Щукин коротко и четко описывал эту схему так — «две дуги с перемычкой» (1994, с. 230). Экземпляр же из Дунахарасты не имеет перемычки как таковой, скорее можно говорить о двух соединенных волютах с разнонаправленными завитками. Тамги с подобными отклонениями от классической «монетной схемы» знака клана Фарзоя (рис. 1) исследователи определяют как принадлежащие, скорее всего, другим людям (Раев, Симоненко, 2009, с. 77), что, впрочем, не отменяет датировки I в. н. э. и возможного отношения к клану Фарзоя.

Описанной тамгой, как уже было указано, достоверный тамговый материал с территории Венгрии исчерпывается. В этом смысле потенциал территорий Украины, Молдавии и пограничных с ней областей Румынии оказывается более сильным, количество памятников с тамгами на них во много раз превосходит их число в Венгрии (Соломоник, 1959; Драчук, 1975; Beldiman, 1990, а. 139—151; Белдиман, 1991, с. 208, 209; Babeş, 1999, S. 223—239; Яценко, 2001а). Этот факт свидетельствует не в пользу предположения, что именно при контактах сарматов-языгов и европейских варваров произошло заимствование изображений тамг, которые в результате оказались на копьях.

Третья возможная контактная ситуация последней четверти I в. н. э. целиком построена Г. Добжаньской на предположениях с привлечением косвенно относящихся к проблеме свидетельств греческого философа Диона Хрисостома, который посетил Ольвию в 83 г. н. э. Из сообщения о том, что он застал Ольвию свободной от скифских правителей, исследовательница делает не совсем прозрачное и логичное предположение, что в последней четверти I в. н. э. происходит упадок «протогосударственной политической структуры», созданной Фарзоем и его наследниками. В результате чего сарматы, пытаясь сохранить «единство протогосударства», ищут союзников в лице носителей пшеворской культуры на территории современной Южной Польши (Dobrzańska, 2001, p. 111).

Данную конструкцию предположений трудно комментировать. Привлекаемые археологические материалы с территории Польши (Dobrzańska, 2001, p. 109—111, fig. 2; Dobrzańska, Wielowiejski, 1997, p. 81—102), хронологически соответствующие второй половине I в. н. э. и связываемые с северопонтийским регионом, никоим образом не свидетельствуют о контактах сарматов и германцев дипломатического уровня, да еще и с надуманной целью сохранить «единство протогосударства», выделение которого также, к слову, находится под большим вопросом.

Четвертая ситуация, при которой можно вполне обоснованно реконструировать взаимодействие сарматов и северных варваров, относится ко второй половине II в. и первым трем десятилетиям III в. н. э. — периоду, в который попадает большинство известных инкрустированных серебром копий (Kaczanowski, 1988, s. 61—63). Г. Добжаньская синхронизирует появление тамг на германских копьях с присутствием готов в северопонтийском регионе и считает, что перед лицом готского вторжения на сарматские территории современных Украины и Молдавии кочевники, обитавшие в бассейнах Прута и Днестра, могли объединиться с носителями пшеворской культуры Южной и Центральной Польши. Изображения тамг на копьях могли стать следствием этого союза (Dobrzańska, 2001, p. 111, 112). Также исследовательница допускает, что в это время небольшие группы сарматов могли жить на территории, занимаемой носителями пшеворской культуры, и подвергаться культурной ассимиляции.

Эта контактная ситуация является наиболее адекватной хронологии рассматриваемых копий с сарматскими тамгами, но многие моменты создаваемой реконструкции остаются аморфными и туманными. Неясно, где происходило воссоединение сил сарматов и германцев, как это может отражаться в археологическом материале предполагаемой территории «альянса», где конкретно в это время находились готы? Эти вопросы остаются без ответа.

Одним из главных минусов последней гипотезы можно назвать упущенное из виду свидетельство готского историка Йордана, который сообщает о взаимоотношении готов и вандалов (носителей пшеворской культуры — С. В., Д. М.). Он пишет:

Рис. 3. Комплекс трупосожжения 19 могильника Бодзаново (по: Zielonka, 1958, rys. 72; без масштаба)

Abb. 3. Bestattungskomplex 19 des Gräberfeldes Bodzanowo (ohne Maßstab)

Рис. 4. Фрагмент золотой пластины с тамгой из ограбленного погребения в Дунахараси
(по: Istvánovits, Kulcsár, 2006, áb. 1; без масштаба)

Abb. 4. Detail einer Goldplatte mit Tamga aus der ausgeraubten Grabstätte in Dunaharaszti
(ohne Maßstab)

«Вскоре они продвинулись оттуда (из Готискандзы — земли, на которую ступили готы по прибытии с острова Скандзы — С. В., Д. М.) на места ульмеругов, которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем, и сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседям вандалов, присоединив и их к своим победам» (*Iord. Get.* 26). Это свидетельство не согласуется с предположением Г. Добжаньской о том, что носители пшеворской культуры могли заключить военный союз с сарматами, поскольку его хронологическая позиция находится после времени описанных готским историком событий. Более того, сообщение Иордана о подчинении вандалов находит подтверждение в материалах пшеворской и вельбаркской³ культур Мазовии и Подляшья. Некоторые пшеворские могильники в какой-то момент (на ступени V_2/C_1) продолжают функционировать уже как вельбаркские (Неданово, Крупице, Колозоб, Скорбичи и др.), а ряд готских памятников на Волини (Лепесовка, Любомль, Баев и др.) содержит существенные культурные компоненты пшеворской культуры (*Ziemlińska-Odojowa*, 1999; *Jaskanis*, 2005; *Белевец*, 2007, с. 304, 305; *Тиханова*, 1963, с. 182; *Козак*, 1984, с. 56, 57).

После перечисленных выше вариантов обстоятельств, при которых сарматские тамги могли попасть в число знаков, нанесенных на германские копья, хотелось бы остановиться на «последнем слове» в исследовании рассматриваемой проблемы. Речь идет о статье современного специалиста в деле изучения знаков-тамг ираноязычных народов С. А. Яценко. Работа специально посвящена германским копьям с сарматскими знаками (*Яценко и др., в печати*⁴). В 2004 г. в одной из статей

³ Вслед за М. Б. Шукиным мы принимаем написание «вельбаркская» вместо «вельбарская» так, как это соответствует правилам русского языка.

⁴ Хотя статья опубликована под фамилиями трех исследователей — С. А. Яценко, Г. Добжаньской и А. В. Пивоварова, авторы делают примечание о том, что основные положения и выводы принадлежат С. А. Яценко и основной статьёй является его одноименный доклад, зачитанный вне программы 16 октября 2002 г. на IV международной конференции «Боспорский феномен» в Санкт-Петербурге. Исходя из этого примечания в моментах, авторство которых принадлежит С. А. Яценко, полемика будет вестись именно с ним, а фамилии соавторов будут опускаться.

М. Б. Шукин сетовал на то, что С. А. Яценко в своей монографии (2001а) не рассматривал специально находки из Центральной и Северной Европы, что при взгляде специалиста могло бы выявить до чрезвычайности любопытные совпадения (*Шукин*, 2004, с. 458). Теперь такая работа есть и, несомненно, представляет интерес с точки зрения методики, разработанной С. А. Яценко для изучения знаков-тамг.

Исследователь в статье о парадных германских копьях с сарматскими знаками (*Яценко и др., в печати*) использует 12 инкрустированных наконечников копий, в основном пшеворской культуры, на которых выделяет 23 типа сарматских клановых знаков (*рис. 5*). Рассмотрев изображения на каждом копье отдельно, автор, подводя итоги, делает следующие выводы: 1) несомненно, знаки на копьях являются сарматскими по происхождению; 2) хронологически, в самой Сарматии, большинство из них использовалось в предшествовавший период (с I до середины II в. н.э.); 3) они связаны прежде всего с двумя регионами — Западной Украиной и бассейном Нижнего Дона; 4) на копьях сарматские знаки оказались в результате дружественных связей германцев с аристократическими сарматскими кланами и бытовали, в том числе и после того, как последние физически исчезли в результате кочевнических войн; 5) дружественные связи могли быть закреплены клятвой дружбы или вступлением в брак представителей германской и иранской сторон.

Следует отдать должное С. А. Яценко, нашедшему для знаков на германских копьях аналогии в Сарматии и выделившему четыре группы родственных кланов сармато-аланов, наиболее тесно контактировавших с германцами. И все же с отдельными выводами позволим себе не согласиться и высказать соображения, которые могли бы их оспорить.

Прежде всего хочется коснуться выделенного количества знаков (23 типа) на копьях (*рис. 5*). Трактовка некоторых из них как однозначно сарматских представляется не совсем осторожной. Уделив большое внимание сарматским аналогиям, С. А. Яценко упускает из виду некоторое количество знаков, которые бытуют в германском мире независимо от контактов с сарматами в первых веках н.э. Прodelавший когда-то колоссальную

работу Р. Хахманн собрал и классифицировал максимальное на тот момент количество орнаментальных мотивов и знаков на германских копьях (Hachmann, 1993, S. 327—424). И обособленная им группа (рис. 6) свастических (солярных) изображений убеждает в том, что выделение С. А. Яценко типов № 18 и 20 сарматских тамг может оказаться спорным. Если не касаться глобальной темы существовавшего индоевропейского единства будущих германских и иранских народов, в мировоззренческих представлениях которого свастические изображения играли существенную роль, то можно констатировать, что в германском мире и, в частности, в пшеворской культуре, свастика была куда более распространенным изображением (рис. 7), чем в иранском.

Можно привести пример из 150-летней истории копья из Сушично (так называемое ковельское копье), на одной из сторон которого помимо прочих знаков изображены два свастических креста (рис. 8). Как справедливо предполагает П. М. Леус, во время Второй мировой войны ковельское копье, вероятно, рассматривалось руководством СС и сотрудниками отдела рунологии и изучения символов института «Ahnenerbe» как один из важных артефактов идеологии Третьего рейха (Leus, 2008, с. 126). В этом контексте кресты, конечно, играли роль не меньшую, чем одна из древнейших рунических надписей на другой стороне копья. Отрешившись от политизированных трактовок трагического периода мировой истории, следует признать, что германская атрибуция подобных изображений на территории Германии и Польши была и будет приоритетной. Исходя из этого отнесение подобных изображений на рассматриваемых копьях к сарматским представляется сомнительным.

К спорным знакам также следует отнести выделенные С. А. Яценко № 7, 12, 13 и 17 (рис. 5), каждый из которых нуждается в специальном анализе, базирующемся не только на сарматских аналогиях, но и на своде изображений на копьях Р. Хахманна (Hachmann, 1993, Abb. 8—13), а также других источниках подобных изображений в германском мире — например брактеатах (Мельникова, 2001, с. 93). Нельзя быть уверенным, что удастся твердо определить тот или иной спорный знак как принадлежащий германской или сарматской

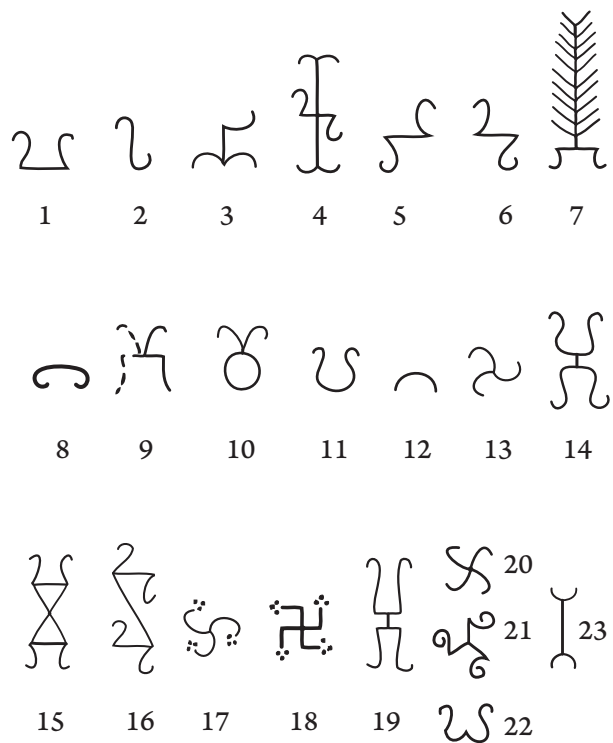

Рис. 5. Типы алано-сарматских тамг на германских копьях (по: Яценко и др., в печати)

Abb. 5. Typen von alanen-sarmatischen Tamgen auf germanischen Lanzen spitzen

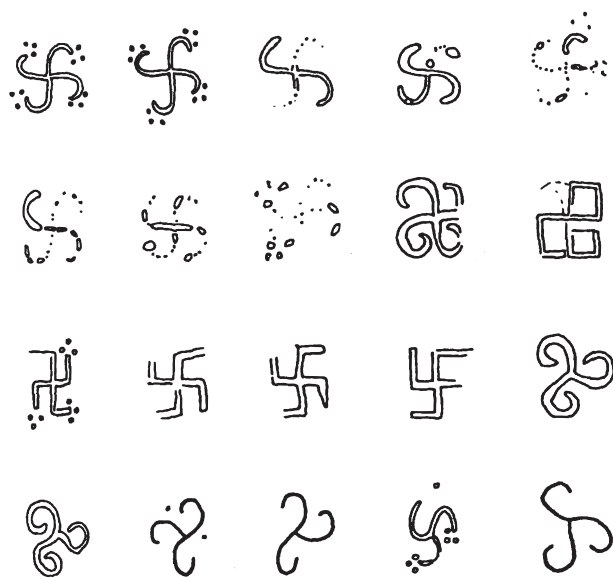

Рис. 6. Свастические знаки на германских копьях группы 5 орнаментированных наконечников (по: Hachmann, 1993, Abb. 11: 9—28)

Abb. 6. Swastikazeichen auf germanischen Lanzen spitzen, 5. Gruppe verzierter Lanzen spitzen nach R. Hachmann

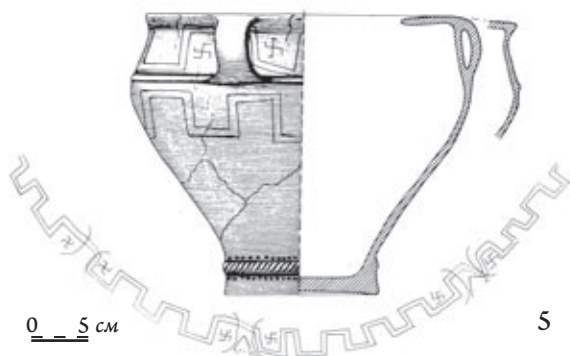
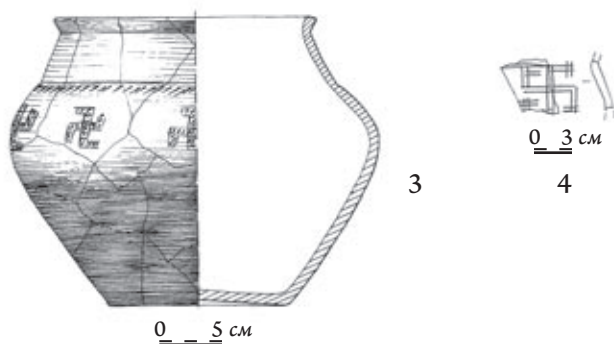
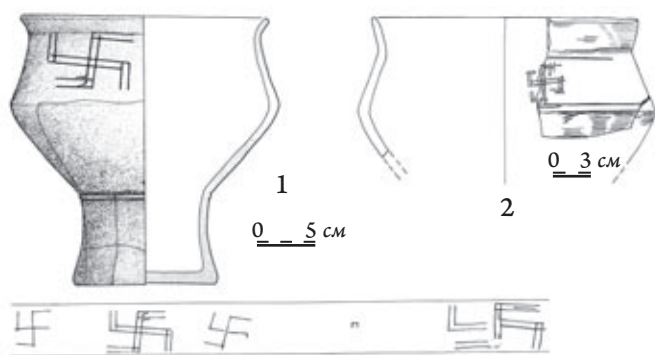

Рис. 7. Свастические знаки на керамике пшеворской культуры:

1 — Sieblowice Duże, погр. 4;
2, 4 — Картамышево II, постр. 10;
3 — Niedanowo, погр. 225; 5 — Kamieńczyk,
погр. 133 (по: *Dzięgielewska, Kulczyńska,*
2008, Taf. III: 5; Горюнова, 2004, рис. 18: 4,
5; Ziemińska-Odojowa, 1999, Taf. LXV: 2;
Dąbrowska, 1997, Taf. LXXI: 7)

Abb. 7. Swastikazeichen auf Tongefäßen der Przeworsk-Kultur:

1 – Sieblowice Duże, Grab. 4;
2, 4 – Kartamyschevo II, Aufbau 10;
3 – Niedanowo, Grab. 225; 5 – Kamieńczyk,
Grab. 133

Рис. 8. Наконечник копья из Сушично
(по: *Леус, 2008, с. 126; без масштаба*)

Abb. 8. Lanzenspitze aus Suszyczno
(ohne Maßstab)

стороне — не исключена их гибридность, но сказать, что у некоторых знаков может быть неоднозначная трактовка, будет справедливее с точки зрения методики работы с подобным материалом. Другие выводы С.А. Яценко будут рассмотрены в ходе изложения взгляда авторов настоящей статьи на проблему обстоятельств, времени и смысла появления сарматских тамг на германских копьях, к которому мы наконец-то подошли.

Смысл. Начнем с того, что попытаемся понять смысл, который вкладывался германцами в изображения, наносимые на копья. Это в данном исследовании должно послужить отправной точкой. Поскольку копья германские и их основной ареал находится на территории культур вандалов и готов, отталкиваться стоит именно от культуры германского мира. В соответствии с эпитафией к данной статье хотелось бы привлечь к решению задачи не совсем обычный для нашей темы источник — скандинавские саги и англосаксонский эпос. Создание этих текстов и уж тем более момент их записывания хронологически достаточно сильно удалены от времени, в котором жили люди, наносившие знаки на копья в первых веках н. э. Однако это существенное препятствие не мешало историкам достаточно убедительно проводить параллели между религиозно-магическими представлениями германцев разных эпох (Кардини, 1987, с. 78). Воспользуемся советами и опытом М.Б. Щукина и Ф. Кардини и попытаемся найти отголоски изучаемых явлений в средневековых текстах германского мира (Щукин, 2005, с. 85—88; 2006, с. 178, 179). Вспомним и мнение шведского археолога Б. Нермана, который считал возможным определять родину и время возникновения эдических песней исходя из сопоставления упомянутых в них материальных предметов с археологическими находками (Гуревич, 1979, с. 57). Это предложение в свое время было справедливо воспринято скептически, но здравый смысл в нем, несомненно, есть. Следует лишь вовремя остановиться и не строить иллюзий относительно какой-либо хронологии.

Итак, рассмотрим некоторые тексты (*Исландские саги*, 1999), в которых есть сведения о функции знаков на оружии. В саге о Гисли, события которой исследователи относят к 962—978 гг. н. э. (Смирницкая, 1999, с. 811), можно найти интересный отрывок: «Жил человек по имени Торgrim,

по прозвищу Нос. Он жил во дворе Носа на восточном берегу Реки Ястребиной долины. Он был силен в ворожбе и волшебстве и был колдун, каких мало. Его-то и приглашают Торgrim с Торкелем к себе, потому что у них тоже шел пир. Торgrim был искусным кузнецом, и рассказывается, что оба Торгрима и Торкель идут в кузницу и там запираются. Вот достают они обломки Серого Клинка, который при разделе выпал Торкелю, и Торgrim делает из него копье. К вечеру копье было готово. На нем были нанесены тайные знаки, и древко входило в наконечник на целую пядь» (*Сага о Гисли*, XI). Из этого текста следует, что знаки, нанесенные на копье, имели тайный смысл, а для изготовления самого копья был приглашен колдун. Вероятно, знаки на копьях римского времени также были мистического характера и предназначались для наделения наконечника копья магическими свойствами, помогающими хозяину в боевых схватках и поединках. Это предположение согласуется с мнением Р. Хахманна, определяющего знаки на копьях Северной Европы как «*einheimische Heilszeichen* — местные благопожелательные» (Hachmann, 1993, S. 328; Мельникова, 2001, с. 94). Подобную же трактовку допускает и А.Н. Кирпичников применительно к знакам⁵ на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв. (1966, с. 259—261, 269, рис. 3; Кирпичников, Стальсберг, 1995, с. 171, 176, 177). Упомянем другой текст, говорящий о сверхъестественных силах копья: «Это корабли двух братьев. Одного зовут Халльgrim, а другого Кольскегг. Оба лихие воины, и у них хорошее оружие. У Халльгрима есть заколдованное копье с широким наконечником, и ничем другим его не убить. Есть у этого копья еще одно свойство: перед смертельным ударом, оно издает тонкий звон» (*Сага о Ньяле*, XXX).

Обратим также внимание на то, что на некоторых копьях (Сушично, Мюнхенберг-Дамсдорф, Розвадув) кроме знаков есть еще и рунические надписи. Совстречаемость тех и других наталкивает на мысль об их едином семантическом контексте, что подтверждается прочтением старшерунических надписей. В отличие от трех копий из Вимозе и Иллерупа (Дания), на которых

⁵ Следует отметить, что некоторые знаки на средневековых мечах совпадают со знаками на копьях римского времени.

начертано⁶ одно и то же имя, предположительно оружейного мастера — *wagnijo* (*Stoklund, 1987, p. 283, 284; Мельникова, 2001, с. 93*), на других наконечниках надписи, которые интерпретируются как название копья: *tilarids* (Сушично, Вольнь), варианты перевода — «идуший к цели», «[отважный] смелый ездок», «нападающий», «наезжающий» (*Тиханова, 1977, с. 138*), развернутая трактовка перевода — «ездок, наездник к некой цели или целям, каковой может быть только противник, враг» (*Мельникова, 2001, с. 91*); *ranja* (Мюнхенберг-Дамсдорф, Германия) — «отправленный в путь»; *raunijaR* (Эвре-Стабю, Норвегия) — «испытатель»; *sioag* (Мос, о. Готланд) — «лающий». И копье из Розвадува (Польша), где надпись *(k)rllus* предположительно переводится, как «я эрул», т. е. мастер рун (*Мельникова, 2001, с. 92, табл. 6*).

Надписи на копьях из Сушично, Мюнхенберг-Дамсдорф, Эвре-Стабю и Мос явно несут в себе агрессивный подтекст, и в случаях сочетания со знаками, вероятно, имели общую цель — наделять оружие соответствующими назначению качествами. Высказанное многими исследователями мнение о том, что надпись *tilarids* на ковельском копье апотропеического характера (*Тиханова, 1977, с. 138*), все же, как представляется, не в полной мере отражает смысл ее нанесения на копье. В данной ситуации его можно скорректировать известной крылатой фразой «лучшая защита — это нападение», а вернее будет отобразить строчкой из детской песни: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет» (ср.: *Мельникова, 2001, с. 91*).

Сведения о том, что в германской воинской культуре на протяжении веков существовала традиция давать копьям и мечам имена, что на оружие наносили рунические надписи и о том, что эта традиция восходила к мифологическому сознанию, можно почерпнуть как из уже привлекавшихся исландских саг, так и из саг, входящих в «Круг Земной» Снорри Стурлусона (1995), текстов «Младшей Эдды» (1970) и из произведений западноевропейского эпоса «Беовульф» и «Старшая Эдда» (*Западноевропейский эпос, 1977*). Из Младшей Эдды известно, что копье самого Одина имело имя: «Трепещет

яшень Иггдрасиль, и исполнено ужаса все сущее на небесах и на земле. Асы и все эйнхерии вооружаются и выступают на поле битвы. Впереди едет Один в золотом шлеме и красивой броне и с копьем, что зовется Гунгнир» (*Младшая Эдда, Видение Гюльви*). Многие герои саг владеют оружием с именами: меч *Жернорез*, способный разрубить жернов (*Сага о Хальвдане Черном, XL*), меч *Фетбрейд* (*Сага о Хаконе Добром, XXX*), меч *Ногорез* (*Сага о Магнусе Голоногом, XXIV*), меч *Хнейтир*, принадлежавший Олаву Святому (*Сага о Хаконе Широкоплечем, XX*), меч *Бастард* (*Сага о Магнусе сыне Эрлинга, XIII*), меч *Хрунтинг*, подаренный Беовульфу (*Беовульф, 22*)⁷.

В тексте Беовульфа есть отрывок, пересекающийся и с гипотезой о предположительной метке мастера оружейника на копьях из Вимозе и Иллерупа: «... / и сияли на золоте / руны ясные, / возвещавшие, / для кого и кем / этот змеуукрашенный / меч был выкован / в те века незапамятные / вместе с череном, / рукоятью витой, / ...» (*Беовульф, 25; ср.: Кардини, 1987, с. 100*).

Таким образом, исходя из приведенных примеров и рассуждений можно предположить, что, скорее всего, функция сарматских тамг на германских копьях вторила функции германских знаков и рунических надписей — наделять оружие сверхъестественными свойствами, вкладывать сакральную силу. Это мнение может быть проверено и скорректировано только пониманием характера обстоятельств контактов германцев и сарматов, при которых произошло заимствование знаков. От того, какими были обстоятельства — мирными или враждебными, смысл сарматских знаков может существенно измениться.

Обстоятельства и время. Как уже было указано, хронологически наиболее вероятная контактная ситуация, при которой произошло заимствование германцами сарматских тамг, могла сложиться при движении готов к Причерноморью. Готы, к тому времени подчинившие и включившие в свой состав вандалов, на своем пути непременно должны были встретить кочевников сарматов (*Šćukin, 1993, p. 325*). О чем и свидетельствует Иордан в своем рассказе: «Та же часть готов, которая была при

⁶ На одном из иллерупских копий руны были нанесены штемпелем и рельефно выступали. Этот факт стал одним из поводов считать надпись меткой мастера оружейника (*Stoklund, 1987, p. 284, fig. 2*).

⁷ Серия имен средневековых мечей, передающих их особые качества, упоминается в работах А. Н. Кирпичникова (1966, с. 253) и Ф. Кардини (1987, с. 100).

Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы» (*Iord. Get.* 28). М. Б. Щукин пишет, что народ с именем спалеи известен у Плиния, как сарматский (*Ščukin, 1993, p. 325*). Разъясним подробнее упоминание этого этнонима древними авторами.

Как явствует из источников, появление основной массы аланов в Северном Причерноморье относится к промежутку времени между 51—65 г. н. э. (*Мачинский, 1974, с. 132, см. карты-схемы*). Плиний — один из первых авторов, который фиксирует появление аланов и связанную с этим активизацию роксоланов к северу от Нижнего Дуная не позднее 77 г. н. э. (*Plin. NH. IV, 80*). Также только Плиний сообщает о том, что Танаис протекает через земли различных, в большинстве своем ранее не известных племен, среди которых последними названы *spalaei* (*Plin. NH. VI, 22*). Поскольку этот период (50—70 г. н. э.) связан с активным передвижением алано-сарматских племен на запад, то вероятно спалеи Плиния являлись одной из группировок алано-сарматского массива, в составе которого они продвинулись от Дона к бассейну Днестра и далее в южнобужско-днестровский регион, где и встретились с готами.

В какой именно местности на пути от Балтики к Черному морю произошло сражение готов со спалами, могут подсказать, опять же, повествование Иордана и карты вельбаркских и сарматских памятников, которые в какой-то точке могут соприкоснуться или наложиться друг на друга. Иордан сообщает, что готы подступают к племени спалов без замедления после овладения желанной землей Ойум. Плодороднейшей местностью с названием Ойум, по нашим соображениям, является территория Вольни — первая область с черноземными почвами, встреченная готами на пути от Балтики к Причерноморью⁸, т. е. встреча со спа-

лами происходила южнее Вольни. И вероятно, не намного южнее, поскольку Иордан говорит: «Отсюда уже (от места сражения со спалами — С. В., Д. М.), как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем, ...» (*Iord. Get.* 28). Следовательно, интересующий нас контакт готов со спалами происходил не в причерноморской степи, которая, вероятно, в рассказе Иордана и была крайней частью Скифии близ Понта, а где-то в лесостепи или на северной границе степной зоны.

Исходя из «координат», которые «дает» в своем тексте Иордан, из вельбаркского ареала нас интересует зона F (*рис. 9*), выделенная Р. Волонгевичем, — зона за Западным Бугом (*Wołagiewicz, 1981; Щукин, 2005, с. 38, 39*). Это Западная Белоруссия, Вольнь и территории вплоть до бассейна Южного Буга в его среднем течении. Вместе с вельбаркскими памятниками — Брест-Тришин, Петровичи, Лепесовка, Величковичи, Любомль, Дытыничи, Баев и др. (*Кухаренко, 1980; Хавлюк, 1988, с. 137—144; Козак, 1988 с. 117—136; Белевец, 2002*) — в эту зону на сегодняшний момент попадают находки трех самых юго-восточных копий с сарматскими тамгами: Сушично, Недобоевицы и одно копьё из частной коллекции (*Козак, 2006, рис. 14; Яценко и др., в печати, рис. 3: 1, 4; 5*).

Сарматский ареал накладывается на зону F вельбаркской культуры только в бассейнах Южного Буга и Днестра. Памятников, оставленных кочевниками на этой территории в первые века н. э., известно очень мало (*Симоненко, Лобай, 1991, с. 35*). Но их характер говорит о том, что интересующие нас земли были подконтрольны достаточно мощному сарматскому объединению, которое когда-то было создано сарматским царем Фарзоем и его наследниками (*Щукин, 1982, с. 35—38*). Немногочисленную группу сарматских памятников второй половины I — начала II в. н. э. в междуречье Южного Буга и Днестра (*рис. 10*) можно определить как группу погребений сарматской знати, настолько многочисленный и яркий материал обнаружен при их исследовании. Речь идет о погребениях в Гордеевке на правом берегу Южного Буга (*Berezanskaja, Kokowski, 1997/1998, s. 9—28*), погребениях в Порогах, Грушке, Писаревке, Севериновке и Мокре на левом берегу Днестра (*Симоненко, Лобай, 1991; Гросу, 1986; Загоруйко,*

⁸ Гипотеза об отождествлении земли *Oium* с Вольнью и о месте столкновения готов со спалами впервые была изложена в докладе М. Б. Щукина, Д. А. Мачинского и С. В. Воронятова «Готский путь, плодороднейшие земли *Oium* и поселение Лепесовка», посвященном М. А. Тихановой и прочитанном на XIV чтении памяти Анны Мачинской, посвященных Марку Борисовичу Щукину. Старая Ладога 26—27 декабря 2009 г.

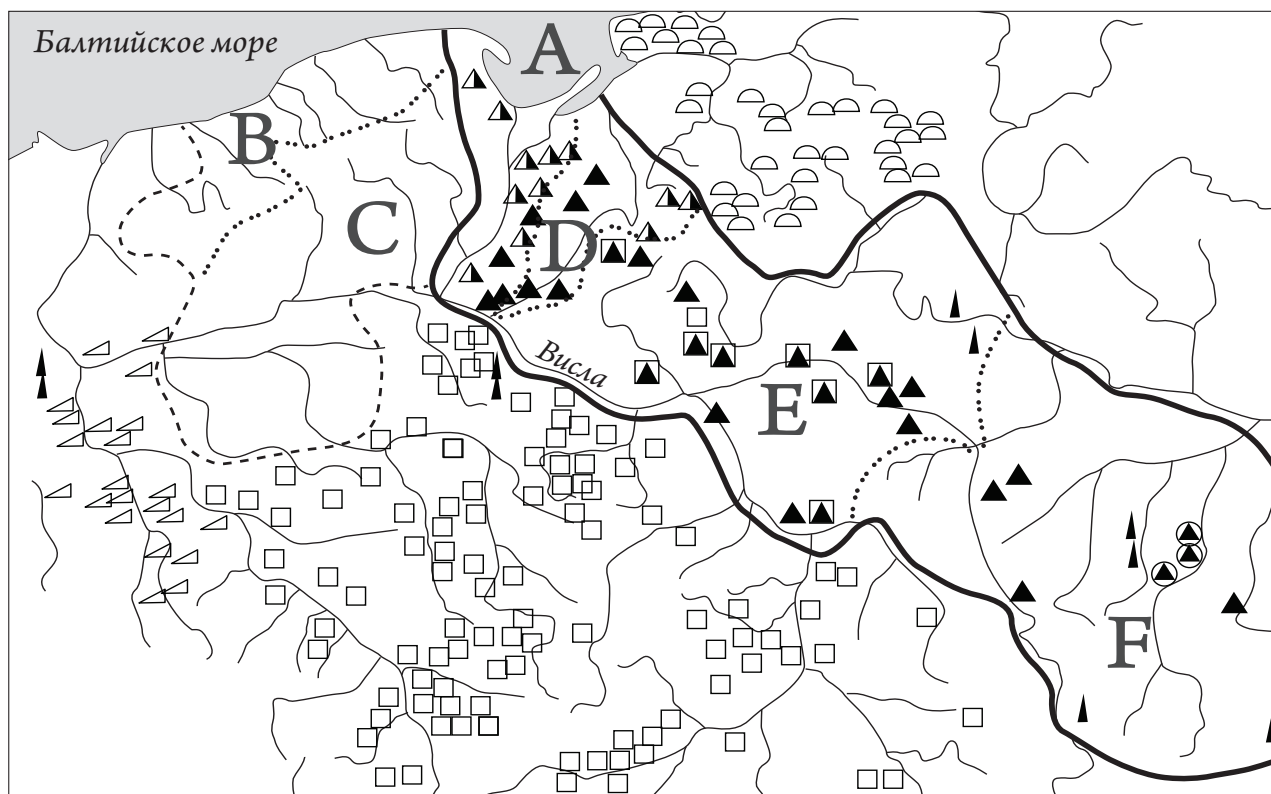

Рис. 9. Зоны вельбаркской культуры, выделенные Р. Волонгевичем (по: Шукин, 2005, рис. 6)

Abb. 9. Zonen der Wielbark-Kultur, nach R. Wołagiewicz

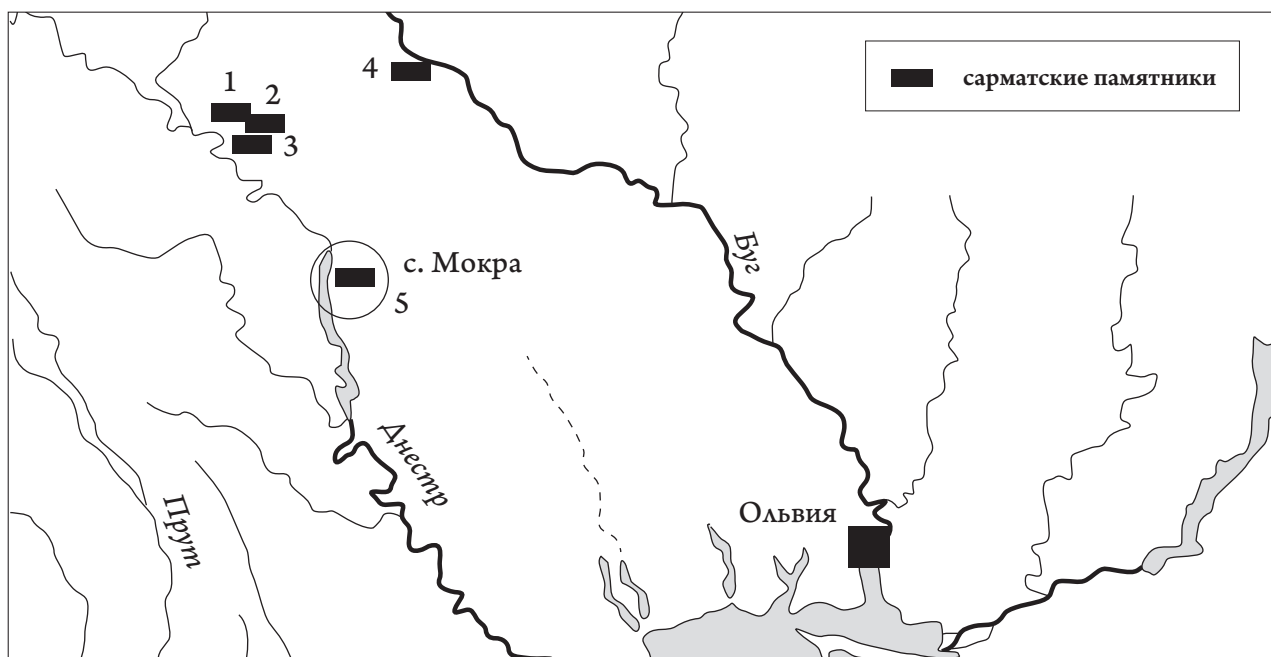

Рис. 10. Карта погребений сарматской знати в междуречье Южного Буга и Днестра: 1 — Пороги; 2 — Писаревка; 3 — Севериновка; 4 — Гордеевка; 5 — Мокра (по: Simonenko, 2008, Taf. 164, с добавлениями)

Abb. 10. Karte von Grabstätten sarmatischer Elite im Dnestr-Südlicher Bug-Zwischenstromgebiet.

1 - Porogi; 2 - Pisarevka; 3 - Severinovka; 4 - Hordeevka; 5 - Mokra

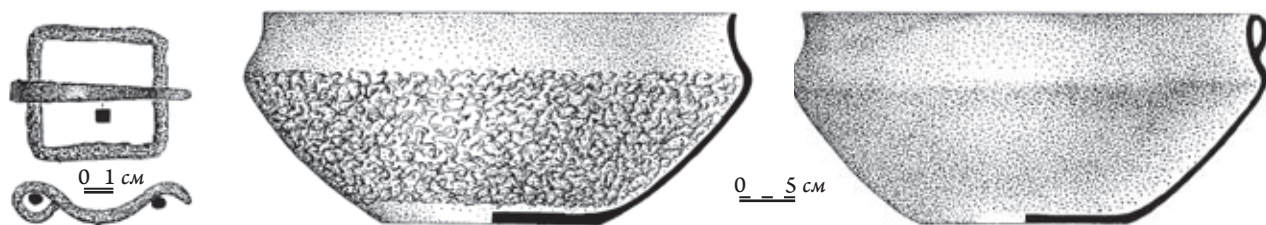

Рис. 11. Комплекс погребения 1 в кургане 2 у с. Мокра (по: Kašuba, Kurčatov, 2005, Abb. 10)

Abb. 11. Gräberkomplex 1 im Kurgan 2 bei Mokra

Прилипка, 1989, с. 17, 18; Simonenko, 2008, S. 78, 79, Taf. 127—130; Щербакова, Кашуба, 1993; Kašuba, Kurčatov, 2005, S. 160—189).

Для нашего исследования чрезвычайно интерес представляет сарматский курган 2 у с. Мокра, поскольку он является образцом и хронологическим маркером соприкосновения германского и сармато-аланского миров, отразившегося в погребальном памятнике. В индивидуальную сарматскую насыпь было впущено вельбаркское трупосожжение (рис. 11), погребение 1 (Кашуба и др., 2001—2002, с. 200, 201, рис. 10; Kašuba, Kurčatov, 2005, S. 184, 185). Хронологически это погребение относится М.Б. Щукиным к ступени V_2 — V_2/C_1 римского времени, т. е. к интервалу от конца I до конца II в. н. э. Марк Борисович определял трупосожжение в Мокре как принадлежащее к брест-тришинской волне готского проникновения на юго-восток, оказавшееся одним из самых южных памятников этой волны (Щукин, 2005, с. 106).

Хотя большинство вельбаркских памятников Поднепровья и Южного Буга относится ко второй — дытыничской волне вельбаркского проникновения (Щукин, 2005, с. 107), более раннее погребение в Мокре является важным в плане хронологического соотношения с сарматскими памятниками этого региона. Интервал времени от совершения основного сарматского захоронения в кургане 2 у с. Мокра до помещения вельбаркского трупосожжения в северо-западную полу того же кургана — период, когда мог произойти контакт готов и сарматов. Молдавские коллеги датируют основное сарматское погребение первой четвертью II в. н. э., вельбаркский комплекс — концом II, самое позднее — началом III в. н. э. (Кашуба и др. 2001—2002, с. 242, 243; Kašuba,

Kurčatov, 2005, S. 185, Abb. 11). М.Б. Щукин датирует вельбаркское трупосожжение, как уже указывалось, определял более широко — от конца I до конца II в. н. э. Исходя из хронологии обоих погребений кургана 2 у с. Мокра наиболее вероятным периодом, в котором могло произойти сражение готов Филимера с сарматским племенем спалов, следует определить время со второй четверти по конец II в. н. э.

Еще о смысле. После изложения данной гипотезы необходимо вернуться к вопросу о смысле сарматских тамг на копьях. Описанная встреча готов и иранцев спалов, по Иордану, имела сугубо враждебный характер и сарматы потерпели поражение. Это свидетельство археологически также подтверждается отсутствием на рассматриваемой территории сарматских памятников, датируемых временем после первой четверти II в. н. э. В связи с этим значение сарматских тамг, которые, вероятно, появляются на копьях после описанных событий, приобретает любопытный оттенок. Эти тамги, грубо говоря, могут быть «трофейными». Германцы — готы и вандалы, несомненно, понимали их смысл, почему и помещали их на копья рядом со своими знаками. После поражения спалов их тамги как воплощение силы и удачи должны были теперь служить победителям германцам.

Позволим себе привести объемную цитату из работы Ф. Кардини, рассматривающего особенности обряда инициации европейских варваров, выражавшегося в схватке со зверем: «Победа человека над зверем трансформируется в переход таинства власти, в обряд передачи мощи, в результате чего зверь уже как бы и не умирает, а «воплощается» в победоносном герое. Впрочем, обычай украшать себя бранными останками поверженного противника, присваивать себе его геральдику

70 | (курсив наш — С. В., Д. М.), иногда даже его имя, то есть облик, обладает тем же значением» (*Кардини, 1987, с. 112*). Комментировать данную цитату излишне.

Обратимся еще раз к работе С. А. Яценко и его соавторов и укажем, по каким причинам и в каких моментах мы позволили себе не согласиться с его выводами. Автор объясняет попадание сарматских тамг к германцам с позиции законов их существования в иранской кочевой среде. Привлекая этнологию народов Северного Кавказа, исследователь высказывает мнение, что «использование чужой метки идентичности без санкции ее хозяина неизбежно приводило к серьезному конфликту» (*Яценко и др., в печати*) и поэтому условия заимствования должны были быть мирными. Мы же считаем по меньшей мере неосторожным полагать, что у германцев существовали такие же правила использования знаков, как и у иранцев. Подходить к рассматриваемой проблеме необходимо всесторонне, иначе все построение будет выглядеть односторонним и рискует оказаться ошибочным. И, как оказывается, приоритет в нашем исследовании, несомненно, за германской стороной, ведь это она перенимает сарматские знаки, и решать задачу следует с учетом менталитета именно европейских варваров, а не сарматов. Далее, после обращения к конкретной археологической ситуации, было показано, что, вероятнее всего, не использование чужой метки привело к конфликту, а наоборот — в результате конфликта германцы как победители начали использовать тамги побежденных иранцев. И последнее — предположение о возможных браках, клятвах дружбы или личной зависимости как обстоятельствах заимствования сарматских тамг германцами становится неактуальным в связи с реконструируемыми по письменным и археологическим источникам событиями II в. н. э. в междуречье Южного Буга и Днестра.

Территория, на которой могло происходить столкновение готов с сарматами, является наиболее подходящей и в плане наличия памятников с сарматскими тамгами. В одном мужском погребении кургана 1 у с. Пороги на различных предметах было обнаружено семь тамг (*Симоненко, Лобай, 1991, с. 62*). Разрушенное погребение второй половины I — начала II в. н. э. у с. Грушка на Днестре в своем инвентаре содержало сереб-

ряную бляху подперсья с тамгой схемы Фарзоя на внутренней поверхности (*Гросу, 1986, с. 260, 261; Раев, Симоненко, 2009, с. 73, 74*). Севернее, в с. Задрость Струговского района Тернопольской обл. в 1904 г. была найдена плита с тремя сарматскими тамгами (*Соломоник, 1959, с. 70, 71; Драчук, 1967, с. 243, 244*). Находка одной из самых северных монет с царской тамгой, чеканившихся в Ольвии, происходит из района г. Бердичев (*Щукин, 1982, с. 36*).

Учитывая наши знания о том, что сарматское объединение Фарзоя-Инисмея было тесно связано с Ольвией, следует сказать, что из округа этого причерноморского центра происходят очень интересные находки с большим числом сарматских тамг. По их количеству, конечно, доминируют два больших мраморных льва, найденных при раскопках одного из ольвийских курганов (*Соломоник, 1959, с. 87—97; Яценко, 2001, рис. 10, 11*). 36 тамг было нанесено на сосуды и арфу из парного погребения близ с. Козырка, вещи из которого в 1918 г. приобрел и описал германский археолог Т. Виганд (*Симоненко, 1999, с. 106—118*). Золотые гривна, браслет и флакон с тамгами, обнаруженные в разное время при случайных обстоятельствах (*Соломоник, 1959, с. 126, 127, 130—132; Трейстер, 2006, с. 249, 250*), дополняют корпус сарматских знаков ольвийского региона.

Все перечисленные вещи с тамгами, несомненно, не могли участвовать в происходившем процессе заимствования знаков германцами, но их наличие на памятниках рассматриваемого региона показательно. Можно предположить, что, скорее всего, германцы могли видеть сарматские знаки даже не на известных археологам типах вещей с тамгами, а на каких-то нарочито демонстрационных предметах — например знаменах или штандартах, наличие которых у сармато-аланов обоснованно допускается исследователями⁹ (*Яценко, 2001б, с. 363—373; Нефёдкин, 2004, с. 137—142*). Использовали ли германцы

⁹ Интересно пересечение гипотезы о трофейности сарматских тамг на германских копьях и изображении тамг на сарматских знаменах с определением понятия «трофей» в различных словарях. Например, в толковом словаре В. Даля: «Трофей (греч. τρόφαιον) — отбитое у неприятеля оружие, знамена, победная добыча, почетная добыча».

римского времени какое-то подобие знамен, нам не известно. Нельзя также исключать, что готы и вандалы могли увидеть сарматские тамги в виде татуировок на телах своих противников или в виде тавр на телах их лошадей (Соломоник, 1957, с. 210—218). В. С. Драчук, со ссылкой на свидетельства Плиния и Аммиана Марцелина, допускает возможность изображения тамг на теле человека для обозначения признаков социального положения (1967, с. 244).

В связи с вопросом о знаменах у сармато-аланов и германцев хотелось бы привести два интересных отрывка из Гренландской песни об Атли, входящей в Старшую Эдду: 1. «Дадут вам щиты,/ и пики на выбор,/ в золоте шлемы, попоны расшитые,/ множество гуннов,/ рубахи червленые,/ стяги на копьях (курсив здесь и далее наш — С. В., Д. М.),/ ретивых коней!» (Старшая Эдда, Гренландская песнь об Атли, 4); 2. «Атли владенья они увидели,/ воинов Бикки/ на стенах высоких;/ в палатах южан/ скамьи поставлены,/ на стенах тарчи,/ щиты и доспехи, стяги на копьях» (Старшая Эдда, Гренландская песнь об Атли, 14). По мнению исследователей, в этом тексте запечатлены отголоски исторических преданий о гибели в 437 г. Бургундского королевства под ударами гуннов и о смерти Аттилы (эддический Атли) в 453 г. (Рыкова, 1977, с. 716). Судя по сюжету, в этих текстах речь идет о стягах, принадлежащих гуннам, у которых с аланами могли быть общие традиции в использовании знамен (Яценко, 2001б, с. 367). В связи с нашим исследованием любопытным является то, что стяги были именно на копьях. Не исключено, что связь копья со знаменем каким-то образом была задействована и в ситуации заимствования сарматских тамг германцами. Исследователи допускают, что уже в эпоху поздней бронзы наконечники копий с ушками на втулках, принадлежавшие культурам евразийских степей, кроме исполнения своей основной функции, могли быть своеобразными штандартами. К ушкам крепились различные символические знаки в виде полос материи или кистей из конских волос. Такие копья могли служить отличительными воинскими знаками (Бочкарев, 2004, с. 404, 405).

В связи с приведёнными текстами и примером, нельзя исключать, что германские копья с собственными знаками и с появившимися во II в. н. э.

сарматскими тамгами могли быть также своеобразными штандартами. Есть очень заманчивая аналогия — навершия знамён в виде символических наконечников копий с ажурно вписанными в них геральдическими символами из современности (звезды в СССР, герб в виде знака Рюриковичей на Украине и т. д. (ср.: Бочкарев, 2004, с. 405)). Однако у нас нет никаких археологических материалов, позволяющих считать данную аналогию приемлемой для реконструкции наверший германских боевых стягов или штандартов.

Вернемся к реконструкции событий II в. н. э. Одержав победу над спалами, готы и вандалы нанесли их знаки на свое оружие, возможно, не только для того, чтобы они теперь служили новым хозяевам победителям, но и для демонстрации, как уже было сказано, в качестве трофеев. Можно предположить, что знаки и рунические надписи на копьях как бы рассказывали историю о том, что с помощью мощи, воплощенной в собственных знаках на копьях, воины германцы одержали верх над силой спалов, символически выраженной в их тамгах. И теперь эти знаки изображены рядом и свидетельствуют о славе германского оружия.

К гипотезе о трофейности сарматских знаков на германских копьях хотелось бы добавить несколько косвенных аналогий, которые бы лучше объясняли подобный смысл изображения тамг на германских копьях. Есть несколько примеров с различными категориями археологических находок разных культур, в которых военные победы и трофеи отображены символически.

В погребениях могильника Шичжайшань культуры диян (IV в. до н. э. — I в. н. э.), распространенной на территории южнокитайской провинции Юньнань, были найдены бронзовые наконечники копий, к лопастям которых посредством цепочек подвешены миниатюрные фигуры людей (Степугина, 1989, с. 267; Бочкарев, 2004, с. 402, 407, рис. 13: 9). Эти люди запечатлены в «говорящих» позах — подвешенными за связанные за спиной руки, головы их опущены, тела беспомощно висят без всякой опоры для ног. Интерпретация фигурок как изображения поверженных или плененных врагов вполне вероятна. Не исключено, что в фигурках заключалась информация о победе и трофеях, добытых с помощью копья, к которому они подвешены.

Интересна интерпретация деревянных моделей человеческих голов на узде из Первого Пазырыкского кургана на Алтае. Исследователи рассматривают их как изображения иноплеменников, противников пазырыкцев, и сопоставляют с описанными в письменных источниках обычаями скифов и хуннов хранить головы (скальпы) врагов в качестве трофеев или реликвий. Использование же деревянных подвесок в украшении узды согласуется со свидетельствами того, что головы скифских врагов красовались на уздечках коней победителей (*Кляшторный, Савинов, 1998, с. 170, 171*). Любопытен тот факт, что иконографически изображения лиц на пазырыкской узде по антропологическим признакам соотносят с известными изображениями хуннов (монголоидов) (*Баркова, Гохман, 1994, с. 31, рис. 1: 1—3*), врагов пазырыкцев-юечжей (европеоидов). Вероятно, германцы также могли четко осознавать, что на их копьях изображены чужие, трофейные сарматские знаки.

Если говорить не о варварских культурах, а о цивилизациях, то можно привести классический пример Римской империи, в которой с целью прославления собственной военной политики широко использовались монеты (*Абрамзон, 1995, с. 163—199*). В разное время в честь побед римского оружия на монетах чеканились всевозможные символические изображения, которые недвусмысленно давали понять современникам, чему посвящен выпуск данных монет. «Покоренная страна изображалась чаще всего в виде женской фигуры или пленников, сидящих возле трофеев. Можно увидеть Британию, Парфию и т. д. со связанными руками, сидящую на земле, пленных даков, германцев, сарматов» (*Абрамзон, 1995, с. 172*). Приведем один выразительный сюжет: при императоре Клавдии было отчеканено несколько монет в память о его отце Нероне Друзе, завоевателе Реции и Германии. На монете изображалась триумфальная арка, венчаемая конной статуей Друза и трофеями, а также типом трофея из копий и шестиугольного германского щита (*Абрамзон, 1995, с. 180*). Вероятно, изображение щита варварского типа для римлян было весьма говорящим и так же, как сарматские тамги на копьях для германцев, рождало определенные ассоциации и воспоминания.

И еще одна аналогия из современности. Не исключено, что сарматские знаки были метками, подобно зарубкам на деревянных деталях огнестрельного оружия снайперов в войнах XX в.: они напоминали о противнике или жертве, убитых данным оружием, вели счет поверженных врагов. Ведь на некоторых копьях также изображена не одна сарматская тамга (*Розвадув, Сушично, Медов, Янково, Вржесьня, Задовице, Стрыцовице*). Погребенные люди, в могилах которых найдены некоторые из этих наконечников копий, могли быть при жизни прославленными воинами, убившими нескольких сарматских всадников, принадлежавших к разным кланам Европейской Сарматии и принимавших участие в сражении с готами.

В завершении коснемся одного странного обстояательства всей истории попадания сарматских тамг к германцам — несовпадению времени активности большинства кланов сармато-аланов, которым принадлежат тамги, оказавшиеся на копьях, и времени прекращения бытования самих германских копий с сарматскими тамгами (*Яценко и др., в печати*). Как можно объяснить асинхронность этих явлений?

Во-первых, хронологическая нестыковка все же не очень большая и может покрываться жизнью двух-трех поколений, у которых сохранялась память о конкретных знаках и их владельцах. Во-вторых, вероятно, следует допускать, что тамги, использовавшиеся во второй половине I — первой половине II в. н. э. алано-сарматами, оставались реликвиями для их потомков и не исчезли после смерти конкретных представителей определенных кланов и семей. Если вещи с тамгами оказывались в могилах своих владельцев, то, к примеру, тамги, когда-то изображенные на стенах, архитектурных и природных объектах, могли быть доступны для обозрения спустя несколько десятилетий и более. И говорить, что во второй половине II — начале III в. н. э. они были совсем не активны, не совсем точно. В некотором смысле они активны и сегодня.

В рамках выдвинутой гипотезы можно предположить, что на знаменах или каких-то других символических вещах алано-сарматов были изображены тамги, ассоциировавшиеся с уже умершими, но прославленными могущественными вождями, память о которых жила и обростала легендами.

Так, тамга царя Фарзоя спустя долгое время после его смерти могла оказаться изображенной на копье германца, похороненного в далекой Норвегии. Другие воины, участвовавшие в сражении под предводительством Филимера, также возвращались на родину, где через некоторое время умирали. С ними прекращало свою жизнь их оружие. Если оно не передавалось по наследству, то оказывалось в могиле вместе с хозяином.

Именно таким образом во второй половине II — начале III в. н.э., с всевозможными вариациями обстоятельств, на территориях современных Украины, Польши, Германии и Норвегии могли оказаться вещи, которые сегодня у археологов фигурируют как германские копья с сарматскими тамгами.

Литература

- Абрамзон М. Г., 1995.** Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. Москва.
- Баркова А. Л., Гохман И. И., 1994.** Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Санкт-Петербург.
- Белдиман К., 1991.** Знаки типа «тамга» доримской Дакии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.). Киев.
- Белевец В., 2002.** Даследаванні 2000 г. на ґрунтовим могильнику вельбаркської культури ў Пятровічах // *Badania archeologiczne w Polsce Północno-Wschodniej i na Zachodniej Białorusi w latach 2000—2001.* Białystok.
- Белевец В. Г., 2007.** К изучению памятников вельбаркской культуры в Беларуси // *Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury.* Gdańsk.
- Бочкарев В. С., 2004.** О функциональном назначении пельте-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // *Археолог: детектив и мыслитель. The Archaeologist: Detective and Thinker.* Сб. статей, посв. 77-летию Льва Самойловича Клейна. Санкт-Петербург.
- Горюнова В. М., 2004.** Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле) // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Санкт-Петербург.
- Гросу В. И., 1986.** Сарматское погребение в Поднестро-вье // СА. № 1.
- Гуревич А. Я., 1979.** «Эдда» и сага. Москва.
- Драчук В. С., 1967.** Стела со знаками из Теробовельщины // СА. № 2.
- Драчук В. С., 1975.** Системы знаков Северного Причерноморья. Киев.
- Загоруйко В. Т., Прилипка В. П., 1989.** Поховання знатної сарматки з кургану біля села Северинівки Ямпільського району // Тези доповідей сьомої Вінницької обласної краєзнавчої конференції. Вінниця.
- Западноевропейский эпос, 1977.** Беовульф / Перевод с древнеанглийского В. Тихомирова; Старшая Эдда / Перевод с древнеисландского А. Корсуна (редакция перевода М. Стеблин-Каменского). Ленинград.
- Исландские саги /** Под общей редакцией О. А. Смирницкой, 1999. Т. I, II. Санкт-Петербург.
- Кардини Ф., 1987.** Истоки средневекового рыцарства. Москва.
- Карышковский П. О., 1982.** О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Кашуба М. Т., Курчатова С. И., Щербакова Т. А., 2001—2002.** Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра) // На окраинах античного мира. (*Stratum plus*; № 4). Кишинев.
- Кирпичников А. Н., 1966.** Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв. // Скандинавский сборник. XI. Таллин.
- Кирпичников А. Н., Стальсберг А., 1995.** Новые исследования мечей эпохи викингов (по материалам норвежских музеев) // Археологические вести. № 4. Санкт-Петербург.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г., 1998.** Пазырьская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Санкт-Петербург.
- Козак Д. Н., 1984.** Поселение у с. Великая Слобода (к вопросу о памятниках вельбаркской культуры на Волини и в Подолии) // КСИА. Вып. 178.
- Козак Д., 1988.** Вельбаркская культура на Волини // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim.* T. I. Lublin.
- Козак Д., 2006.** Етнокультурні процеси на теренах Українського Подністров'я в першій половині I тис. н.э. // Археологічні дослідження Львівського університету. Вип. 9. Львів.
- Кухаренко Ю. В., 1980.** Могильник Брест-Тришин. Москва.
- Леус П. М., 2008.** К истории копья из Ковеля // РА. № 4.
- Мачинский Д. А., 1974.** Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. — I в. н.э. // АСГЭ. № 16.
- Мачинский Д. А., Воронятов С. В., 2009.** Памяти М. Б. Щукина // СГЭ. Вып. LXVII.
- Мельникова Е. А., 2001.** Скандинавские рунические надписи. Москва.

- 74 **Младшая Эдда** / Перевод О. А. Смирницкой, редакция М. И. Стеблин-Каменского, 1970. Ленинград.
- Нефёдкин А. К., 2004.** Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н. э. — V в. н. э. Санкт-Петербург.
- Раев Б. А., Симоненко А. В., 2009.** «Фалар» из «Давыдовского клада» // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. Санкт-Петербург.
- Рыкова Н., 1977.** Героический эпос средневековья // Западноевропейский эпос. Ленинград.
- Симоненко О. В., 1999.** Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. № 1. Київ.
- Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991.** Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев.
- Смирницкая О. А., 1999.** Комментарии // Исландские саги. Т. I. Санкт-Петербург.
- Стурлусон Снорри, 1995.** Крут Земной / Перевод О. А. Смирницкой, Ю. К. Кузьменко, А. Я. Гуревича и М. И. Стеблин-Каменского. Москва.
- Соломоник Э. И., 1957.** О таврении скота в Северном Причерноморье (по поводу некоторых загадочных знаков) // История и археология древнего Крыма. Киев.
- Соломоник Э. И., 1959.** Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.
- Степугина Т. В., 1989.** Древнекитайская цивилизация // Древние цивилизации. Ancient Civilizations. Издание, посвященное 80-летию академика Б. Б. Пиотровского. Москва.
- Тиханова М. А., 1941.** Культура западных областей Украины в первые века нашей эры (к вопросу об этногенезе восточных славян) // МИА. № 6. Москва; Ленинград.
- Тиханова М. А., 1963.** Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. // СА. № 2.
- Тиханова М. А., 1977.** Старшерунические надписи // Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Москва.
- Трейстер М. Ю., 2006.** Ювелирная мастерская I в. н. э. в Северном Причерноморье (К находкам из сарматского погребения в Петриках) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. (Труды ГИМ; Вып. 159). Москва.
- Хавлюк П. И., 1988.** Вельбаркские памятники на Южном Буге // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. I. Lublin.
- Щербакова Т. А., Кашуба М. Т., 1993.** Сармато-аланские древности (Курганные захоронения близ с. Мокра). Тирасполь.
- Шукин М. Б., 1982.** Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. Вып. XLVII.
- Шукин М. Б., 1994.** На рубеже эр. Санкт-Петербург.
- Шукин М. Б., 2004.** Умбон из кургана «Садовый» под Новочеркасском // Археолог: детектив и мыслитель. The Archaeologist: Detective and Thinker. Сб. статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. Санкт-Петербург.
- Шукин М. Б., 2005.** Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. Санкт-Петербург.
- Шукин М. Б., 2006.** Зубовско-Воздвиженская группа, царь Фарзой и Тур Хейердал // Liber Archaeologicae. Сб. статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева. Краснодар; Ростов-на-Дону.
- Яценко С. А., 2001а.** Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. Москва.
- Яценко С. А., 2001б.** Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I—II вв. н. э.) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999—2000 гг. Вып. 17. Азов.
- Яценко С. А., Добжаньская Г., Пивоваров А. В., в печати.** Германские парадные копья II—III вв. н. э. с сарматскими знаками // Сборник ГИМ памяти И. И. Гузиной. Москва. (<http://www.formuseum.info/2009/04/26/jacenko3.html>).
- Babeş M., 1999.** Ein Tamga-Zeichen aus der dakischen Siedlung von Ocnița (Buridava) // Transilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. (Studia honoraria; Bd. 7). Rahden.
- Beldiman C., 1990.** Semne de tip tamga din Dacia preromană // Thraco-Dacica. T. XI. № 1—2. București.
- Berezanskaja Z. S., Kokowski A., 1997/1998.** Sarmacka księżniczka z miejscowości Gordeevka na Ukrainie // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Vol. LII/LIII. Lublin.
- Dąbrowska T., 1997.** Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien. Kraków.
- Dobrzańska H., 2001.** Contacts between Sarmatians and the Przeworsk Culture community // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A. D. Proceedings of the international conference held in 1999 in Aszód – Nyiregyháza. Aszód; Nyiregyháza.
- Dobrzańska H., Wielowiejski J., 1997.** The Early Roman high-status elite grave in Gebułów near Cracow // Materiały Archeologiczne. T. XXX. Kraków.
- Dzięgielewska M., Kulczyńska M., 2008.** Cieblowice Duże. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im südwestlichen Masowien. Warszawa.
- Hachmann R., 1993.** Verzierte Lanzespitzen der Jüngerer Kaiserzeit. Die Vor- und Frühgeschichte und die Runeninschriften im älteren Fuþark // Kulturen zwischen Ost und West; das Ost-West-Verhältnis in Vor- und Frühgeschichtlicher Zeit und sein Einfluss auf Werden und Wandel des Kulturraum. Berlin.
- Istvánovits E., Kulcsár V., 2006.** Szarmata nemzetségelek a Kárpát-Medencében // Arrabona. (Múzeumi közlemények; № 44/1). Győr.
- Jaskanis J., 2005.** Krupice. Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Ostpolen. Warszawa.
- Kaczanowski P., 1988.** Chronologia inkrustowanych grotów broni drzewcowej z okresu wpływów rzymskich z obszaru europejskiego Barbaricum // Scripta Archaeologica. Warszawa; Kraków.
- Kašuba M., Kurčatov S. 2005.** Ein Grabhügel der sarmatischen Elite von Mokra am mittleren Dneestr // Prähistorische Zeitschrift. Bd. 80. H. 2. Berlin; New York.
- Kokowski A., 2003.** Goten und Sarmaten – eine Geschichte der Kontakte zwischen dem 2. und 4. Jahr. N. Chr. Vor dem Hintergrund der Masłomęcz-Gruppe // 5 Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, 12–16.2.1998. Kontakt – Kooperation – Konflikt, Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jh. n. Chr. Zusammenfassungen der Vorträge. Marburg.

- Ščukin M. B., 1993.** A propos des cantakts militaires entre les Sarmates et les Germanins à l'époque romain d'après l'armament et spécialement les umbo de boucliers et les lances // L'armée romaine et les Barbares du III-e au VII-csiècle. Saint-Germain-en-Laye.
- Shshukin M., 1994.** Shields, swords and spears as evidence of Germanic-Sarmatian contacts and Barbarian-Roman relations // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlicher Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994. Lublin; Marburg.
- Simonenko A. V., 2008.** Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I. I. und Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. (Archäologie in Eurasien; Bd. 25). Mainz.
- Śmiszko M., 1936.** Grot dziirytu z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem // Wiadomości Archeologiczne. Vol. XIV. Warszawa.
- Stoklund M., 1987.** New Inscriptions from Illerup and Vimose // Runor och runinskrifter. Stockholm.
- Wologiewicz R., 1981.** Kultura wielbarska — problemy interpretacji etniczney // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.
- Zielonka B., 1958.** Cmentarzysko w Bodzanowie w pow. aleksandrowskim // Przegląd Archeologiczny. T. X. Poznań; Wrocław.
- Ziemlińska-Odojowa W., 1999.** Niedanowo. Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Nordmasowien. Kraków.

Über Zeit, Umstände und Sinn des Aufkommens von sarmatischen Tamgen auf germanischen Lanzen spitzen

Der vorliegende Artikel ist einem markanten Ausdruck der Wechselwirkung zwischen germanischen und iranischen Kulturwelten in den ersten Jahrhunderten n. Chr. gewidmet, und zwar germanischen Lanzen spitzen mit sarmatischen Tamgen (*Abb. 2, 3, 8*), die meisten von denen in Materialien der Przeworsk-Kultur auf dem Territorium Polens gefunden wurden.

Die bestehenden, von M. B. Ščukin und G. Dobrzańska aufgestellten Hypothesen, wie sarmatische Tamgen auf germanische Lanzen spitzen gelangen konnten, berücksichtigen einen wichtigen Umstand nicht, und zwar das Vorhandensein von sarmatischen Denkmälern mit Tamgen in vermutlichen Kontaktzonen zwischen Sarmaten und Germanen. So erweist sich das Karpatenbecken, wo nach Angaben von Tacitus im Jahre 50 n. Chr. Germanen und Sarmaten-Jazygen interagiert hatten, für die Rekonstruktion von Umständen der Entlehnung der sarmatischen Tamgen durch Germanen als inakzeptabel. Laut Studien von ungarischen Archäologen ist im Karpatenbecken nur ein signifikanter Gegenstand mit sarmatischer Tamga aus einer ausgeraubten Grabstätte in Dunaharaszti bekannt (*Abb. 4*).

In der Hypothese von G. Dobrzańska über eine vermutliche Vereinigung von Sarmaten und Wandalen, die seit langem und sicher mit der Przeworsk-Kultur identifiziert werden, gegen Goten sind wichtige Angaben des gotischen Geschichtsschreibers Jordanes nicht in Betracht gezogen, denen zufolge die Wandalen durch die Goten bereits kurz nach derer Landung an der baltischen Küste in Gothiscandza unterworfen wurden. Dieses Versäumnis macht die Hypothese anfechtbar.

Die von S. A. Jacenko rekonstruierten Umstände der Entlehnung von sarmatischen Tamgen durch Germanen haben auch ihre Nachteile. Der Forscher hielt es für möglich, die Regeln der Existenz der iranischen Zeichen an die germanische Welt anzuwenden, was u. E. ursprünglich fehlerhaft ist. Fraglich ist auch die Anzahl der von S. A. Jacenko aufgegliederten Typen sarmatischer Tamgen (*Abb. 5*). Laut Angaben von R. Hachmann existieren einige davon bei Germanen unabhängig von ihren Kontakten mit der Welt der Steppennomaden.

Wir vertreten die Meinung, bei der Behandlung dieses Problems sei es davon auszugehen, welchen Sinn die Germanen ihren einheimischen Heilszeichen und Runeninschriften auf den Lanzen spitzen verliehen hatten. Skandinavische Sagen und

angelsächsisches Epos zeugen von einer sakralen Funktion dieser Zeichen in magisch-religiösen Vorstellungen der Germanen in verschiedenen Epochen. Unausgesprochener "agressiver" Sinn der bekannten Runeninschriften war wohl auf den Sieg der germanischen Waffen gerichtet. Sarmatische Tamgen auf germanischen Lanzenspitzen konnten auch die gleiche Vorbestimmung haben – Verleihung der Waffe einer übernatürlichen Kraft.

Sarmatische Tamgen konnten an Germanen – Wandalen und Goten – unter den vom gotischen Geschichtsschreiber Jordanes in seinem Werk "Getica" beschriebenen Umständen gelangen. Jordans berichtet, Goten hätten unter der Führung von König Filimer, nachdem sie zuerst Wandalen unterworfen und in den eigenen Bestand integriert hatten, auf dem Wege Richtung Schwarzes Meer in einer Schlacht ein Volk namens "spali" besiegt (*Iord. Get. 26–28*). Nach Angaben von Plinius dem Älteren (*Plin. NH. VI, 22*), "spalaei" seien ein im Donbecken angesiedelter Stamm (vermutlich alanen-sarmatischer Herkunft). Wie alle anderen sarmatischen Nomadenstämme dieses Kreises waren Spalaei zu dieser Zeit wahrscheinlich nach Westen gewandert, wo sie mit Goten zusammekamen.

Offensichtlich beginnen Goten und Wandalen nach dem Sieg über Iraner ihre Tamgen neben eigenen magischen Symbolen als Zeichen des Sieges darzustellen. Dadurch brachten Germanen den Übergang des Machtsakraments und den Ritus der Übermittlung der Mächtigkeit zum Ausdruck. Indem sie heraldische Zeichen des Gegners an sich nahmen, erhielten die Germanen alle übernatürliche Kräfte ihrer Feinde. Gleichzeitig konnten sarmatische Tamgen als Beutestücke zur Schau gestellt werden.

Sehen sarmatische Zeichen konnten die Germanen nicht auf den Archäologen bekannten Gegenständen mit Tamgen, sondern auf Vorzeige- und Symbolobjekten wie sarmatische Fahnen und Bannern. Es ist nicht auszuschliessen, dass Tamgen in Tätowierungen auf Körpern der Nomaden und in

Stempelzeichen auf Körpern ihrer Pferde vorkommen konnten.

Vom Ort der Schlacht zwischen Goten und Sarmaten zeugen Areale der Überlagerung der sarmatischen Kultur und der Wielbark-Kultur, die mit Goten und Gepiden identifiziert wird. Solche Überlagerung ist im Raum des Dnestr- und des Südlicher Bug-Beckens festgestellt, wo an der Grenze der Steppen- und Waldsteppenzonen Grabstätten der sarmatischen Elite aus der 2. Hälfte des 1. Jahrhunderts – Anfang des 2. Jahrhunderts n. Chr. (Porogi, Hordeevka, Pisarevka, Gruška, Severinovka, Mokra) erforscht wurden. Im 2. Jahrhundert n. Chr. entstehen in diesem Raum die ersten Denkmäler der Wielbark-Kultur, die das frühe Eindringen der Goten nach Süden festhalten. Angesichts des Bestehens dort von Denkmälern mit sarmatischen Tamgen erscheint diese Region für die vorgenommene Rekonstruktion als besonders günstig.

Einen Muster und chronologischen Marker der Berührung germanischer und iranischer Welten stellt das Hügelgrab 2 beim Dorf Mokra am Dnestr dar (*Abb. 10*). In ein individuelles sarmatisches Hügelgrab wurde eine Wielbark-Bestattung (*Abb. 11*) eingebracht. Die Chronologie der beiden Gräberkomplexe zeugt davon, dass der Zeitunterschied zwischen der sarmatischen Bestattung und der Einbringung der Wielbark-Bestattung in den Kurgan nicht gross war. Dieser Umstand lässt vermuten, dass die Schlacht zwischen den Goten unter der Führung von König Filimer und den Sarmaten sich in der Zeitspanne zwischen dem zweiten Viertel und dem Ende des 2. Jahrhunderts n. Chr. ereignen konnte.

Die Germanen, die an der Schlacht mit Nomaden teilgenommen hatten, kehrten in ihre Heimat zurück. Dort starben sie nach einiger Zeit. Mit ihnen zusammen war auch das Leben ihrer Waffen zu Ende. Heute sind die Grabstätten dieser Germanen auf dem Territorium Polens als Gräberkomplexe mit sarmatischen Tamgen aus der zweiten Hälfte des 2. Jahrhunderts – Anfang des 3. Jahrhunderts n. Ch. bekannt.